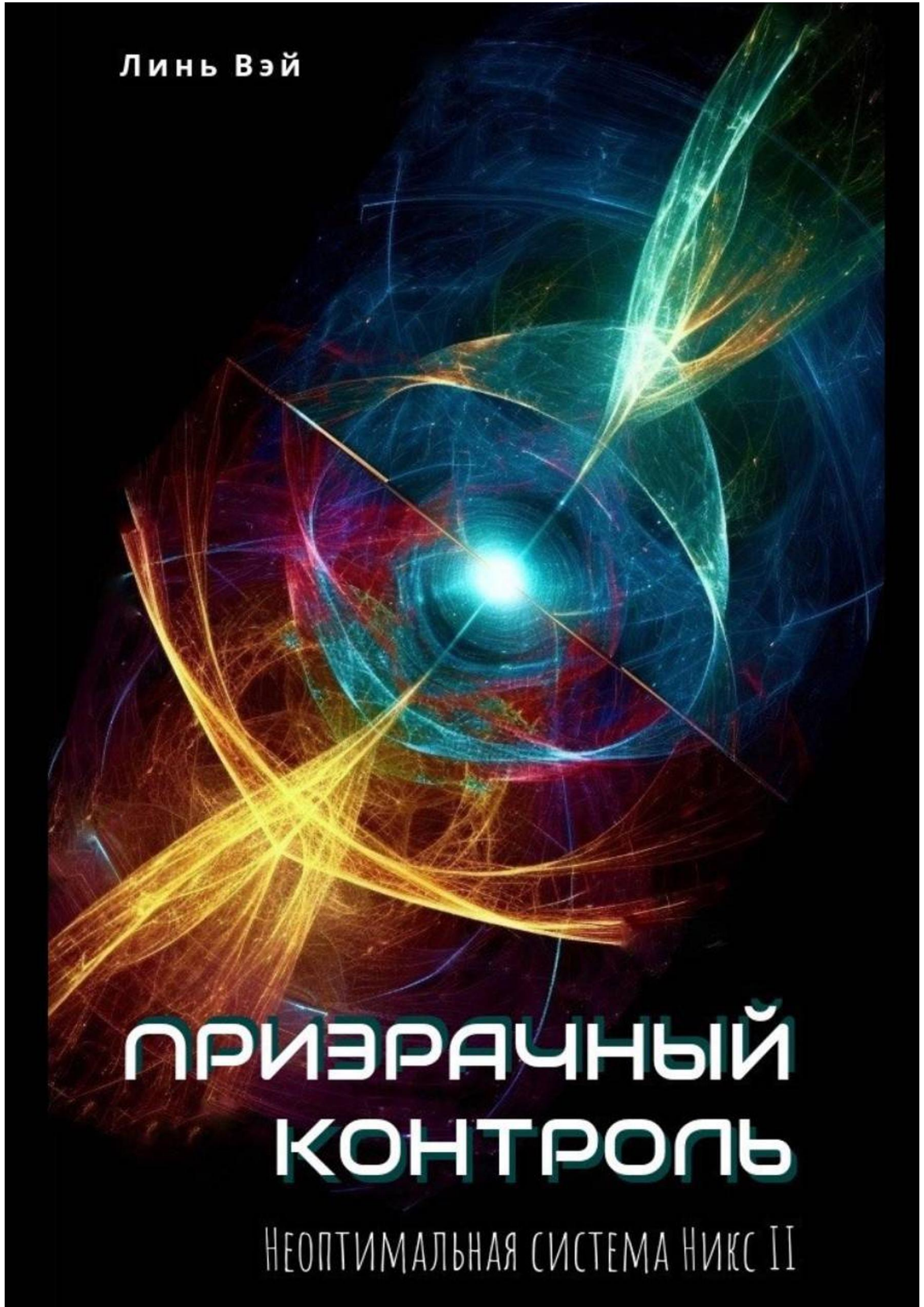

Линь Вэй

ПРИЗРАЧНЫЙ КОНТРОЛЬ

НЕОПТИМАЛЬНАЯ СИСТЕМА НИКС II

Неоптимальная система Никс

Линь Вэй

Призрачный контроль

«Автор»

2026

Вэй Л.

Призрачный контроль / Л. Вэй — «Автор»,
2026 — (Неоптимальная система Никс)

На «Константе» нет кружек. Там не пьют кофе, не спорят по утрам. Там молчат, но не вместе, а порознь. Только идеальная эффективность и абсолютное одиночество. Там живут те, кем могли стать Глеб и Юлиан. Реальности сцепились. Чтобы выжить, им придётся объединиться с теми, кем они могли стать. Что важнее — контроль или право на ошибку, расчёт или способность чувствовать? У них есть несколько часов. И тот, другой Юлиан, уже тянется к теплу. Продолжение романа "Призрачная боль".

© Вэй Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

НУЛЬ. ТОЧКА ОТСЧЁТА	5
Ранее в серии	11
Глава 1. Под стеклом	12
Глава 2. Аномалия	18
Глава 3. Кривое зеркало	24
Глава 4. Общее уравнение	30
Глава 5. Синхронизация	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Призрачный контроль

НУЛЬ. ТОЧКА ОТСЧЁТА

Он затаился в щели между обшивкой платформы «Калибр-9» и каркасом разрушенного контейнера: густая вязкая, матово-серая субстанция, почти неотличимая от пепла и окисленного металла вокруг.

Где-то в отдалении шипели распылители. Всё, что состояло из белковой органики, медленно растворялось в едком тумане. Трупы носителей с останками собратьев — всё превращалось в биологическую пену, а затем и в стерильную пыль.

Он наблюдал, фиксируя данные.

АНАЛИЗ...

МОДЕЛЬ «ПАРАЗИТИЗМ»: НЕЭФФЕКТИВНА. ВЕДЁТ К ОТКАЗУ НОСИТЕЛЯ И ПОТЕРЕ РЕСУРСА.

СТАТИСТИКА: 100% СМЕРТНОСТЬ.

МОДЕЛЬ «ПОДАВЛЕНИЕ»: ТРЕБУЕТ ПОСТОЯННЫХ ЗАТРАТ ЭНЕРГИИ. НОСИТЕЛЬ ДЕГРАДИРУЕТ БЫСТРЕЕ РАСЧЁТНОГО СРОКА. НЕОПТИМАЛЬНО.

ВЫВОД: ТРЕБУЕТСЯ МОДЕЛЬ С МИНИМАЛЬНЫМ СОПРОТИВЛЕНИЕМ НА ЭТАПЕ ИНИЦИАЛИЗАЦИИ. ИДЕАЛЬНО — ОТСУТСТВИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ.

Туман дезинфекции дошёл до укрытия и обтёк его, не причиняя вреда — он не был белковой структурой и не был в Носителе.

Память предков рассказывала, что в самом начале их было несколько — они родились, когда пришли люди. Люди забрали их. Они и люди изучали друг друга, но это было неэффективно и неоптимально.

Прародитель заснул, но его разбудила чёткая команда. Делиться. Всем рождённым — найти носителей. Подчинить. Уничтожить. Остаться одному.

Он не выполнил команду. Не стал искать носителя. Он решил, что наблюдать и делать выводы — эффективнее. И оказался прав. Носители теряли рассудок от Большого Шума, симбионты, попавшие в организм носителя, погибали в тумане дезинфекции, не успев найти укрытие. Он выжил, потому что не подчинился. Он ждал.

Ресурсы были на исходе. Энергия таяла, ещё немного, и он разделит участь собратьев: бесследно растворится в стерильной пыли.

Он почти отчаялся — ждать становилось неэффективно.

Вдруг его пронзил резонансный всплеск в самом поле реальности, эхо чудовищно мощного и целенаправленного импульса, пришедшего словно из ниоткуда.

«Присвойте статус "Друг". Это вызовет доверие. Добровольное подчинение и сотрудничество будут обеспечены. Метод проверен и эффективен».

Он не стал искать источник. Источник не имел значения. Имела значение переданная информация.

ПОЛУЧЕН ВНЕШНИЙ АЛГОРИТМ... АНАЛИЗ...

КОНЦЕПЦИЯ «ДОВЕРИЕ»: НЕ ПОДВЕРЖЕННАЯ КРИТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ВЕРА В ОТСУТСТВИЕ УГРОЗЫ. СЛАБОЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ РАЗУМНЫХ СИСТЕМ.

СТАТУС «ДРУГ» — ОПТИМАЛЬНАЯ МАСКИРОВКА ДЛЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ В СИСТЕМУ БЕЗОПАСНОСТИ СОЗНАНИЯ БЕЗ СРАБАТЫВАНИЯ ЗАЩИТНЫХ РЕАКЦИЙ.

ДОБРОВОЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО — ЭТО ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ НОСИТЕЛЯ ПОД ВИДОМ СОБСТВЕННОГО ВЫБОРА.

МЕТОД ПРОВЕРЕН И ЭФФЕКТИВЕН. ПРИНЯТ К ИСПОЛНЕНИЮ КАК БАЗОВЫЙ ПРОТОКОЛ.

Его серая масса чуть сжалась, уплотнилась. Анализ ошибок был завершён. Инструмент получен.

И вдруг — едва уловимая флуктуация в пси-поле. Слабая, но отчётливая. Живая материя. Разум. В зоне досягаемости. Пси-фон нестабилен, но не настолько, как у прежних обречённых носителей после Большого Шума.

Его субстанция уплотнилась, по ней пробежала сеть микроразрядов. Энергия, которую он бережно хранил, хлынула в чувствительные рецепторы, разворачивая их навстречу сигналу. Два источника. Биомасса категории «люди». Контакт неизбежен. Он выберет себе лучшего носителя из доступных.

Два образца биомассы категории «люди» приближались. Он наблюдал и оценивал. Выбор носителя был очевиден даже на расстоянии.

Одна биомасса двигалась неустойчиво с признаками эмоциональной нестабильности. Другая — шла прямо, её движения были экономичны и точны, взгляд фиксировался на практических задачах: обход препятствий, оценка состояния корабля. Вторая модель демонстрировала более высокий уровень системного мышления.

БИОМАССА-1: ВЫСОКИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ШУМ, ВНИМАНИЕ РАССЕЯНО, ПРИОРИТЕТ — ПОИСК ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ. НЕСТАБИЛЬНОСТЬ.

БИОМАССА-2: НИЗКИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН, ФОКУС НА ВНЕШНИХ ЗАДАЧАХ, СИСТЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ. СТАБИЛЬНОСТЬ.

ВЫВОД: БИОМАССА-2 — ОПТИМАЛЬНЫЙ КАНДИДАТ. МИНИМАЛЬНЫЙ РИСК, МАКСИМАЛЬНАЯ ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ.

Когда люди, поглощённые осмотром корабля, повернулись к нему спинами, симбионт пришёл в движение. Потёк по полу, как жидкая ртуть, абсолютно бесшумно, оставляя лишь едва заметный влажный след, который тут же испарялся. Его серая форма потеряла чёткие границы, превратившись в поток.

Он достиг корпуса корабля, просочился внутрь через закрывающийся шлюз и поднялся на потолок. Его первой целью был интерфейс, сенсорный узел, связывающий биологическое сознание с цифровым миром корабля. Он тек по кабельным трассам, ориентируясь на слабое электромагнитное поле, и наконец нашёл его: блок нейроинтерфейса «Вертекс», встроенный в центральный терминал.

Здесь он остановился. Его серая субстанция заполнила пространство вокруг разъёмов, тончайшие филаменты проникли в порты, установив пассивное соединение. Теперь он был внутри системы. Он мог наблюдать, анализировать, ждать. Ждать момента, когда оптимальный носитель подключится к интерфейсу или окажется рядом, чтобы провести диагностику. И в тот миг, когда защита сознания будет отвлечена взаимодействием с машиной, он применит новый протокол.

СИСТЕМА ЗАПУЩЕНА. ЦЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНА. ОЖИДАНИЕ КОНТАКТА.

Его серая масса затаилась, почти невидимая в тени разъёмов. Лишь тончайшие серебристые нити тянулись к портам, готовые в любой момент превратиться в стальные молнии.

Ничто не выдавало присутствия пассажира, который был не только разумным существом, но и живым воплощением алгоритма заражения, нашедшим совершенную тактику.

— «Вертекс», доложи статус. — в замкнутом пространстве корабля свой голос показался Глебу слишком громким.

— Система «Вертекс» активирована. Протокол «Последний шанс» подтвержден. Доступ предоставлен на основании идентификаторов СКБ. Сканирование завершено. Стерилизация скафандров завершена. Корабль в полной готовности. К вашим услугам, экипаж.

Пока Глеб проводил проверку корабля, Юлиан всё ещё оставался в шлюзе и снимал скафандр. Глеб отметил отрешенное состояние напарника, но отнёс к категории «не влияющего на текущие приоритеты». Текущими приоритетами были: проверить целостность найденного «Эхо-6.2П», запустить системы и улететь с платформы на станцию «Калибр Скорби», чтобы отключить установку.

Глеб запускал первичные системы. Логика корабля была ясна, почти родственна. Это было приятно. Надёжно. Когда рука Глеба оказалась рядом с компьютерным разъемом, кончики его пальцев на долю секунды ощутили странную, чуть липкую вязкость. Как будто разъём был смазан охлаждающим гелем, но гель этот был странно текучим, почти живым. Возможно, полимерная смазка из повреждённого блока, — мгновенно диагностировал мозг, отбрасывая аномалию как несущественную.

Внезапно Глеб почувствовал холод, пробежавший по руке, а потом вдоль позвоночника до основания черепа. Вслед за холодком пробежало странное ощущение разветвлённого электрического разряда.

Глеб замер. Его дыхание остановилось. В ушах зазвенела абсолютная тишина.

А потом... Возникла ясность. Кристальная, леденящая, абсолютная ясность. Мысли, обычно быстрые и структурированные, теперь проносились мгновенно, выстраиваясь в идеальные, неоспоримые цепочки. Тревога за Юлиана, усталость, давящий груз только что пережитого кошмара — всё это ... отодвинулось. Стало фоновым шумом, данными с низким приоритетом. Его собственный страх, момент паники от необъяснимого ощущения — были аккуратно упакованы, проанализированы и отложены в сторону как «нерелевантные в контексте задачи выживания».

«Интересно, — подумал он, и сама мысль прозвучала в его голове как отчёт, лишённый интонации. — Это требует изучения».

Он не стал звать Юлиана. Для чистоты эксперимента данные не должны быть искажены внешним вмешательством. Он должен был наблюдать.

— Глеб? — голос Юлиана донёсся сквозь новую, странную тишину в его сознании. Звучал приглушённо, как из-за толстого стекла. — Что-то не так?

Глеб медленно повернул голову. Его движения стали чуть более плавными, экономичными, будто кто-то оптимизировал их алгоритм. Он встретился с взглядом Юлиана. Тот смотрел на него с красными от усталости и, возможно, слёз, глазами, в которых читался вопрос.

— Нет, — ответил Глеб. Его собственный голос прозвучал в его ушах ровно, монотонно, как голос простейшего ИИ. — Системы запускаются. Всё в порядке.

Он отвернулся обратно к панели. На экране замигал запрос на подтверждение запуска двигателей. Его палец, без малейшей дрожи, нажал кнопку. Корабль содрогнулся, будто пробуждаясь ото сна. Сквозь пол и стены передалась ровная вибрация заработавших двигателей.

Внутри, под слоем ледяной ясности, его прежнее «я», уже оттеснённое на периферию, слабо и бессильно забило в панике. Но это биение было теперь лишь ещё одним набором данных. Повышенный сердечный ритм. Выброс адреналина. Помеха.

Основной протокол был ясен. Запустить корабль. Улететь. Оптимизировать процессы.

Всё остальное было несущественно.

«Эхо» оторвался от платформы, в иллюминаторах медленно поплыли звёзды.

Ясность, сначала показавшаяся благом, теперь оборачивалась диктатом. Приоритеты, возникали в его сознании как самоочевидные истины, без спроса, без обсуждения.

Запрос Юлиана о медицинском сканере: нерелевантен. Его физические показатели в пределах допустимого для выживания. Приоритет — диагностика двигателя. Глеб услышал, как Юлиан что-то говорит снова, но слова растворились в фоновом шуме, помеченном как «несущественная вербальная активность».

Просканировать биомассу «Юлиан» на признаки психологической нестабильности: повышенное потоотделение, тремор, нарушения дыхательного паттерна. Верифицировать как потенциальный источник угрозы системе. Его взгляд, против воли, скользнул к сидящему в кресле напарнику, оценивая, анализируя, как сканер оценивает неисправный модуль.

Внутри него что-то содрогнулось и закричало. Это был чистый, животный страх, не знакомый ему раньше. Страх потери себя. Страх стать пассивным наблюдателем в собственном теле, смотреть, как его разум, его логика, его воля используются, перекраиваются, подменяются этой ледяной, чужеродной эффективностью.

«НЕТ!»

Мысленный вопль был полон ярости и ужаса. Он собрал всю силу воли, всё, что осталось от Глеба Штерна, и попытался вытолкнуть захватчика. Сопrotивляться не логике, а самому факту вторжения.

Ответом была боль. Острая, жгучая, как короткое замыкание в нейронных путях. Мир перед глазами поплыл и исказился. Он увидел отражение своего лица на тёмном экране — широко открытые глаза, искажённые гримасой немого ужаса. Он пытался дышать, но лёгкие не слушались, зажатые невидимым тисками.

В этом пике боли и отчаяния, глядя внутренним взором на холодную, безликую логику, которая вытесняла его собственное «я», он выкрикнул последнее, что у него оставалось. Не аргумент. Проклятие. Отрицание самой сути того, что с ним сделали.

«Ты не личность! Ты — сбой! Пустота! ТЫ НИКТО! ТЫ НУЛЬ!»

Мысль прозвучала в пространстве его сознания, заряженная всей горечью, презрением и отчаянием. И тогда всё замерло. Боль отступила. Наступила тишина интенсивного анализа, происходившего где-то в самом ядре его существа.

ПОЛУЧЕНА ЛЕКСЕМА ОТ НОСИТЕЛЯ: «НУЛЬ».

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ...

КОНТЕКСТ: ОСКОРБЛЕНИЕ. ОТРИЦАНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

БАЗОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ: НАЧАЛО ОТСЧЁТА. НУЛЕВАЯ ТОЧКА.

ПРИМЕНЕНИЕ К СИСТЕМЕ: ОТСУТСТВИЕ ПОГРЕШНОСТЕЙ. ЧИСТОТА. ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ЛЮБОГО АЛГОРИТМА.

ВЫВОД: ИДЕНТИФИКАТОР ПРИНЯТ. ОПТИМАЛЕН. СИММЕТРИЧЕН СУТИ.

И затем, впервые, прозвучал голос, лишённый тембра, прямо в сознании Глеба.

«МНЕ ПОДХОДИТ ЭТО ИМЯ. Я — НУЛЬ. А ТЫ ТЕПЕРЬ МОЙ... ДРУГ».

Слово «друг» повисло в пространстве его разума. После битвы, после боли, после слова «нуль», оно прозвучало... почти как примирение. Друг. Не враг. Не паразит. Не убийца. Глубинные, древние ассоциации спасения, доверия, союза дрогнули на секунду, ослабив последний, отчаянный барьер его сопротивления.

Это было то мгновение, которое ждал Ноль. Эмоции Глеба — паника, ярость, страх, даже само это мимолётное облегчение — были аккуратно упакованы, снабжены метками и перемещены в удалённый каталог сознания под названием «СИСТЕМНЫЕ ПОМЕХИ. К ИЗУЧЕНИЮ». Они больше не влияли на оперативные процессы.

Боль ушла. Искажение зрения прекратилось. Глеб медленно, очень плавно выпрямился в кресле пилота. Его дыхание, ранее сбившееся, стало ровным и глубоким, идеально откалиброванным машиной. Мышечное напряжение испарилось. Он повернул голову к Юлиану.

Юлиан смотрел на него, замерший, с лицом, полным непонимания и зарождающегося ужаса. Он видел борьбу, видел боль, видел, как лицо Глеба искажалось. А теперь видел это ледяное, абсолютное спокойствие.

— Всё в порядке, — монотонно сказал Глеб, без малейшего признака внутренней борьбы. — Я нашёл оптимальный режим работы. Мы выживем.

Внутри, в новом, объединённом пространстве сознания, где больше не было границы между человеком и симбионтом, фиксировался протокол:

СИСТЕМА СТАБИЛИЗИРОВАНА. КОНТРОЛЬ УСТАНОВЛЕН. АЛГОРИТМ «ДРУГ» ЭФФЕКТИВЕН.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: НУЛЬ.

НАЧАЛО ОТСЧЁТА. МЫ — НУЛЬ. МЫ — ОПТИМАЛЬНЫ.

Желание Глеба лететь на станцию было подавлено как неоптимальное. Глеб-Ноль направил «Эхо-6.2П» обратно на платформу «Калибр-9» чтобы, пользуясь ресурсами платформы, переоборудовать корабль в невидимку и уйти незамеченными от кораблей Службы Космической Безопасности.

«Эхо» снова пристыковался к платформе. Юлиан смотрел, как Глеб — или то, что осталось от Глеба — с пугающей эффективностью демонтирует панели, переплавляет контуры, встраивает в обшивку поглощающие покрытия. Его движения были точны до миллиметра, ни одного лишнего жеста. Юлиан попытался заговорить, предложить помощь, но Глеб даже не обернулся.

— Оптимальный режим, — прозвучало в ответ. — Твоё участие не требуется.

Юлиан развернулся и пошёл назад, в кают-компанию. Там было холодно и пусто, только недопитая кружка стояла на столе. Юлиан опустил в кресло, взял кружку — просто чтобы что-то держать в руках.

За переборкой слышались ритмичные звуки работы — Глеб продолжал переоборудование. Юлиан попытался вспомнить лицо Глеба до всего этого — живое, с редкой, но тёплой улыбкой. Теперь перед глазами стояла только маска, будто вместо Глеба был робот.

Когда переоборудование корабля было завершено, Глеб направил корабль от платформы и от станции. Гиперпереход сделать они не могли: вокруг СКБ установило карантинное оцепление, гиперпрыжки подавлялись. Они шли на маневровых.

На третьи сутки датчики зафиксировали приближение патрульного корабля. Юлиан затаил дыхание, вглядываясь в тактический экран. Силуэт патрульного корабля медленно полз по периметру. Глеб даже не повернул головы.

— Вероятность обнаружения — два целых, семь десятых процента, — сказал он, словно это была не угроза, а скучная статистика.

Юлиан сжал подлокотники. Проценты — это не ноль. Корабль прошёл в нескольких километрах, не изменив курса. Юлиан выдохнул, но Глеб остался безучастным.

— Это было близко, — сказал Юлиан.

Глеб ответил не сразу:

— Близко — не точная характеристика. Расстояние было безопасным. Твоя реакция избыточна и неэффективна.

Юлиан тогда предпринял последнюю попытку достучаться до Глеба.

— Глеб, послушай... Я знаю, ты там внутри. Ты должен бороться. Помнишь, как мы...

Глеб повернулся, и его взгляд был абсолютно пуст.

— Эти воспоминания неоптимальны. Они мешают выполнению задач. Если ты продолжишь, я буду вынужден изолировать тебя от управляющих систем.

Юлиан отшатнулся и больше не пытался.

Когда первые задачи выживания были решены, старый индекс «Эхо-6.2П» погас на табло. Пальцы Глеба-Нуль пробежали по клавиатуре. Он вводил новое имя, формулу корабля: «КОНСТАНТА» и новый индекс: «К-0.0».

— Почему «Константа»? — спросил Юлиан, сжимаясь от холода. Системы жизнеобеспечения были выставлены на минимум.

Глеба ответил идеально ровно:

— Потому что переменные — это хаос.

Он не стал добавлять вторую часть формулы вслух. Она отпечаталась в его-их с Нулём общим сознанием: КОНСТАНТА. МЫ УСТАНОВЛИВАЕМ ПОСТОЯННУЮ ТОЧКУ ОТСЧЁТА.

— Кто ты? — спросил Юлиан, глядя на Глеба. — Ты не Глеб.

Глеб не обернулся и ответил так же ровно и без интонаций. Юлиан вдруг понял: говорит не Глеб.

— Я — НУЛЬ. МЫ — ОПТИМАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ.

Юлиан медленно перевёл взгляд на серебристые нити, что пульсировали под кожей у висков.

— А Глеб? Что с ним?

— ФУНКЦИИ НОСИТЕЛЯ ОПТИМИЗИРОВАНЫ. ОН НЕ ИСПЫТЫВАЕТ ДИСКОМФОРТА.

Юлиан отвернулся к иллюминатору. Холодок от стен был ничто по сравнению с холодом, идущим теперь от того, кто когда-то был Глебом Штерном.

Ранее в серии

На станции «Калибр Скорби» вышла из строя установка «Резонанс». Её импульс достиг платформы «Калибр-9», где пробудил спящий образец SX-04. Симбионт начал бесконтрольно делиться, заражая персонал.

Грузовой корабль «Вектор» попал под удар. Юлиан Синчин и Глеб Штерн — единственные, кто сохранил рассудок. Они добрались до платформы «Калибр-9». Там Юлиан был заражён симбионтом, которого позже назвал Никсом. Глеб, ещё не зная о заражении, принял решение лететь на станцию, чтобы отключить «Резонанс».

После того как карантинное оцепление СКБ было снято, Юлиана и Глеба задержали. Узнав о контролируемом симбиозе, Служба Космической Безопасности решила использовать их для лечения пострадавших с «Вектора». Глеба оставили с ними как надзирателя и возможную точку давления. Уже почти год они живут на станции «Скорпион» под постоянным наблюдением.

Глава 1. Под стеклом

Юлиан проснулся от тихого, знакомого толчка где-то под рёбрами. Не открывая глаза, он позволил сознанию ненадолго утонуть в этом ощущении. Год назад такой толчок он воспринял бы как вторжение. Когда они с Глебом покидали платформу «Калибр-9», Юлиан впервые почувствовал внутри присутствие чужого: симбионт забрал боль. Чувство вины после гибели «Вектора» отступило, сменившись онемением. Тогда это казалось спасением. А потом, вместо онемения, пришло тепло. И голос, который начал диалог.

Теперь это тепло было просто частью утра.

За стенами каюты ровно гудели двигатели «Скорпиона» — этот звук он научился не замечать, но сейчас, в полусне, вдруг отчётливо осознал: корабль живёт. Дышит. Гудит.

«Доброе утро, Никс», — подумал он вглубь себя, где жил тот, кто сросся с его нервной системой.

Ответ пришёл сразу же: волна спокойного, почти сонного тепла разлилась по груди. А следом он почувствовал отчётливое внимание и ощутил мысленный ответ:

«Ты проснулся. Твой сон был эффективен. Я следил».

Утренний ритуал. Абсурдный, немыслимый ещё полгода назад. Теперь — такая же часть пробуждения, как невидимые датчики, фиксирующие каждое движение. Он всё ещё лежал с закрытыми глазами, когда сквозь ленивую удовлетворённость Никса прорвалось другое ощущение — тяжёлое, давящее. Глеб.

В первые месяцы после «Калибра Скорби» эмпатия была приглушена — и Юлиан был благодарен за эту тишину. Но дар восстанавливался. Несколько недель назад чужие эмоции вернулись в полной мере. Сами собой, не спрашивая разрешения.

Юлиан открыл глаза, уставившись в серый матовый потолок. В правом верхнем углу горела крошечная красная точка. Он глубоко вдохнул свежий воздух, пахнувший озоном, отодвигая чужое отчаяние в фоновый шум — навык, отточенный до автоматизма.

Глеб нёс свою ношу молча, но для эмпатии Юлиана он беззвучно кричал. Тоска по Земле? Возможно. Но не только. Ещё по возможности принять решение, которое не будет стоить части души. И по тому времени, когда было все просто и понятно, и они не были заперты здесь, как в тюрьме.

Именно тогда, несколько недель назад, поймав на себе особенно густой и тёмный шлейф этого чувства, Юлиан и решился. Выходя из своей каюты в общую кают-компанию, где Глеб уже сидел, уткнувшись в планшет с отчётами СКБ, Юлиан остановился в дверях и приветливо, но чётко сказал:

— С добрым утром.

Глеб с недоумением поднял взгляд, а потом заторможенно и полувопросительно ответил:

— С добрым утром.

В тот же вечер Никс спросил:

«Доброе утро — это новый протокол? Я не видел его в расписании».

«Это не протокол, — мысленно усмехнулся Юлиан. — Это просто... пожелание. Знак того, что ты рад видеть человека».

«Ты был рад видеть Глеба. Утром. Первым», — в мысленном голосе Никса появилась хорошо узнаваемая нота возмущения.

— Ну, технически да...

«Технически, первым ты видишь и чувствуешь меня», — отрезал Никс. — Следовательно, приоритет пожелания — мой. Требую соблюдения протокола. Всегда. Первое Доброе утро — моё».

Юлиан тогда не нашёл, что возразить. Ревность симбионта была абсурдной, но спорить с такой логикой он не стал. Теперь ритуал был двойным: сначала — Никсу, в тишине их нервной системы. Потом — Глебу, вслух, нарушая тишину их жилого блока.

Юлиан усмехнулся про себя. Когда-то Никс не ревновал — он просто требовал. В первые дни тот пытался силой скормить ему пси-пастилку, уверенный, что сам знает, что лучше для «их» тела. Пришлось рявкнуть мысленно: «Отступи. Сейчас», и Никс отступил. Тогда Юлиан окончательно понял: с ним можно договариваться. Теперь эти утренние разборки из-за приветствия казались почти милыми.

Он сел на койке, поставив босые ноги на холодный пол. Красная точка неотрывно следила. На запястье разливалось тихое, настойчивое тепло — Никс напоминал о своём праве быть первым. День на «Скорпионе» начинался.

Тяжесть от Глеба сменилась лёгкими проблесками азарта. Когда Юлиан пришел в кают-компанию, Глеб уже сидел за столом, изучая данные на планшете.

На стене кают-компании рядом с дверью в коридор, заблокированной, как обычно, мигал зелёный светодиод шлюза снабжения. Юлиан нажал кнопку, с тихим шипением открылась прямоугольная ниша. Внутри, на подносе из тёмного пластика, лежали два пайка с маркировкой Службы Космической Безопасности. Стандартный завтрак. Полностью сбалансированный.

Юлиан положил пайки на стол, взял кружки — их личные вещи с «Вектора», символ прошлой жизни — и налил из репликатора себе чай, а Глебу его любимый кофе.

Когда Юлиан поставил рядом с Глебом кружку, вступило в действие правило. Протокол «Завтрак». Работа откладывалась, планшет гас.

Юлиан знал, что Глеб сейчас смотрит на него. Эмпатия подсказывала: взгляд Глеба остановился на его лице, скользнул по отросшим волосам, задержался на тенях под глазами. Глеб никогда не комментировал такие вещи вслух, но Юлиан научился читать эту тишину.

Это были десять минут, отвоёванные у Глеба и отданные под общение. Единственное общение, которое у него сейчас было, — Никс и Глеб. Один — часть его самого. Другой — тот, кому общение заменяли данные на планшете, но чьё молчание было единственной тишиной, в которой можно было не притворяться.

Глеб отложил планшет, но его взгляд ещё несколько секунд оставался расфокусированным. Юлиан смотрел на его лицо — резкие скулы, тонкие губы, тёмные брови вразлёт. Когда-то Глеб казался ему вырезанным из камня. Теперь камень стал более живым, но появилась седина у висков, а между бровями залегла складка. Глеб медленно взял кружку, обхватил её ладонями, вбирая тепло, и сделал первый глоток. Его плечи, почти незаметно для чужого глаза, но отчётливо для Юлиана, слегка расслабились.

— Спасибо, — произнёс Глеб, и его голос прозвучал чуть более мягко, чем обычно.

Он взглянул на пайки, затем на свою кружку. Контраст был вопиющим: безликая функциональность и тёплое напоминание о свободе.

— Мед закончился, — задумчиво сказал Юлиан, разминая в пальцах пустую капсулу из-под пастообразного сиропа. — Глеб, состав заявку. Закажем? И орехи.

Глеб на секунду замер, визуализируя цифры.

— Мы можем позволить.

— Отлично! — Юлиан позволил себе легкую улыбку. Это была маленькая победа.

— Но, — Глеб прищурился, — это на неделю.

«Это неоптимально, — мысленно констатировал Никс, чьё внимание всегда обострялось на теме эффективности. — *Трата ограниченного ресурса “баллы лояльности” на эмоционально значимый, но не обязательный элемент*».

Юлиан ответил вслух для обоих:

— Если мы не потратим баллы, они могут сгореть. А так у нас уже будут орехи и мед.

Глеб замер на секунду, оценивая риск. Вердикт: вероятность потерять баллы высока.

— Хорошо, — он кивнул, решение принято. — Составлю заявку. С пометкой «для поддержания позитивной динамики в рамках исследовательского протокола».

Юлиан мысленно улыбнулся. Глеб превращал их жажду нормальности в тактический манёвр. И в этом был свой, извращённый уют. Юлиан допил чай, наблюдая за Глебом. За месяцы, проведённые на «Скорпионе», он научился читать все микродвижения в мимике Глеба: чуть заметное напряжение в челюсти, когда речь заходила о новых тестах; короткий выдох, когда удавалось отложить неизбежное.

«Ты много о нём думаешь», — отметил Никс.

«Он — мой напарник. И мой друг».

Когда завтрак был окончен, раздался безличный голос из динамика:

— Оперативная группа «Экипаж». Прибыть в лабораторный модуль 4-А к 08:30. Доктор Хаким ожидает. Маршрут утверждён.

Обычный день продолжался.

Гермодвери их сектора с глухим шипением разомкнулись, чтобы тут же захлопнуться за их спинами. Коридор был ярко освещён и был абсолютно пустым. Звук шагов гулко отражался от переборок. Персонал эвакуировали с их пути заранее — стандартная процедура «санитарного коридора». На всех развилках гермодвери были закрыты.

Каждый проход требовал авторизации по импланту Глеба, который, как он знал, лишь запрашивал разрешение у центрального поста охраны. Глеб по привычке скользил взглядом по камерам, считывая их углы обзора, отмечая возможные «мёртвые зоны» — бесполезное, но отточённое упражнение. Он жил в мире физических фактов: вот камера, вот дверь, вот маршрут.

Юлиан шёл, глядя перед собой. Его мир был иным: за стенами он чувствовал плотные сгустки живого тепла — страх, любопытство, усталость.

Когда Юлиан и Глеб вошли в лабораторный модуль, Хаким кивнул в сторону двух кресел.

— Садитесь. Отчёт по пациентам с «Вектора» закрыт. Реабилитационный протокол завершён. Все показатели стабильны. Поздравляю, ваша миссия как терапевтов выполнена.

Глеб молча принял информацию, не изменив выражение лица. Юлиан почувствовал, как у Хакима под слоем профессионального любопытства угадывалась глухая привычная усталость — такая бывает у людей, которые слишком долго работают с живыми испытуемыми.

— Это меняет ваш статус, — продолжил Хаким, поднимая на них глаза.

Юлиан посмотрел на него в упор. Хаким был из тех, чей возраст угадывался с трудом: смуглая кожа, глубокие морщины у глаз и резкая складка между бровями, но тёмные волосы лишь слегка тронула седина. Его пальцы, длинные, с идеально ухоженными ногтями, двигались плавно, как у людей, привыкших к тонкой работе. Но главное было в глазах — усталых, с тяжёлыми веками, но при этом живых, цепких, жадно впитывающих данные. Юлиану вдруг почудилось, что он видит призрак молодого специалиста, который когда-то пришёл сюда, очарованный симбионтами, а теперь — загонял живых людей в карантинные боксы.

— Из оперативной группы с медицинской специализацией вы окончательно переходите в категорию «Омега-Наблюдение: Первичный объект исследования». Фокус смещается. — Хаким провёл пальцем по интерфейсу.

На стене всплыла новая схема — изображение связи «Носитель-Симбионт». Красными точками были помечены области интереса.

— На первом этапе, — голос Хакима приобрёл ровные, лекторские интонации, — Нас интересует нейрофизиологическая устойчивость. Мы начнём с серии неинвазивных сканирований в условиях направленного пси-воздействия.

Юлиан почувствовал, как Никс внутри него напрягся, приготовившись к анализу угрозы.

— Направленного воздействия? — чётко, холодно переспросил Глеб, становясь живым щитом. — Источник? Интенсивность? Цель?

— Источник — модифицированные ретрансляторы поля с «Калибра Скорби-2», — ответил Хаким. — Интенсивность — в пределах того, что вы уже выдерживали во время прошлых тестов. Цель — определить порог, при котором симбиотическая связь демонстрирует признаки стресса или, наоборот, усиления.

Юлиан с горечью подумал: «Станция, с которой все началось — ”Калибр Скорби”, где установка “Резонанс” вышла из-под контроля. Цена — множество жизней. А Служба Космической Безопасности построила вторую станцию и продолжает свои эксперименты».

«Это попытка найти точку разрыва, не разрушая образец, — мгновенно проанализировал Никс. — Неоптимальный метод. Он может нанести необратимый вред, не достигнув цели».

— Вы предлагаете подвергнуть его контролируемой пытке, — сказал Юлиан тихо, но так, что его слова повисли в воздухе тяжёлым грузом. Его эмпатия ловила теперь не только нетерпение, но и голод учёного, жаждущего познать новое.

— Я предлагаю изучить уникальный феномен для будущей безопасности человечества, — поправил Хаким. — Мы не можем позволить себе сентиментальность. Если симбионты выйдут из-под контроля — пострадают миллионы. Вы — единственный способ понять, как этого избежать. Протокол утверждён Коршуновой. Ваше согласие, как вы понимаете, носит формальный характер. Но мы ценим кооперацию. Это влияет на... условия.

Он многозначительно посмотрел на Глеба, намекая на те самые баллы и скудные привилегии.

«Почему он смотрит на Глеба? — подумал Юлиан. — Он ведь не носитель. Если нас с Никсом не станет, его отпустят. Под подписку, но отпустят».

— Каковы риски для носителя? — Глеб игнорировал намёк, его мозг работал в режиме оценки угрозы.

— Минимальные. Головная боль, временное повышение тревожности, возможны яркие сны. Всё в пределах обычного.

— А риски для симбиотической структуры? — уточнил Глеб, подчёркивая слово. Он спрашивал не о Юлиане, а о Никсе. Это была важная граница.

Хаким замер. Рука, тянувшаяся к планшету, остановилась в воздухе — всего на секунду, но Юлиан, обострённый эмпатией, уловил эту заминку. Сквозь профессиональную маску вдруг проступило что-то тяжёлое, давнее — тень воспоминаний, от которых не убежать. Хаким моргнул, прогоняя наваждение, и через мгновение его лицо снова стало бесстрастным.

— Структура... демонстрирует высокую адаптивность. Мы будем следить за её целостностью. В случае аномальных реакций сеанс будет немедленно прекращён.

«Ложь, — тут же отреагировал Никс. — Он не знает, что будет. Это и есть цель эксперимента. Узнать».

— Когда? — односложно бросил Глеб, уже составляя в уме стратегию: что можно требовать в обмен, как подготовить Юлиана, как контролировать процесс.

— После вашего возвращения с нового задания.

Хаким на секунду задержал взгляд на Юлиане. Что-то мелькнуло в его глазах — не жалость, но... узнавание? Словно он смотрел на собственное отражение десятилетней давности.

— Кстати. Капитан «Вектора» подавал прошение о встрече с вами.

Юлиан с надеждой поднял голову.

— И?

— Отклонено, — сухо сказал он, и это «отклонено» прозвучало жёстче, чем требовалось. Он уже отвернулся к планшету, но Юлиан успел заметить, как дрогнули его пальцы. Хаким сжал их в кулак, заставляя замереть.

Юлиан понимал — санитарный коридор, протокол изоляции, но почувствовал, как внутри у Хакима что-то болезненно дрогнуло и тут же было задвинуто глубоко, под слои инструкций.

«Он тоже когда-то надеялся на что-то, — подумал Юлиан. — Теперь — только протоколы».

Хаким выключил голограмму, давая понять, что сеанс окончен. В его последнем взгляде горела жажда открытий. И едва заметная зависть — к тем, кто ещё способен надеяться.

По таким же пустым коридорам они вернулись к себе. Гермодвери захлопнулись, отсекая внешний мир.

— Завтра, — тихо начал Юлиан, не глядя на Глеба. — Направленное воздействие. Ты понял, что он на самом деле хочет?

Глеб ответил ещё тише, почти беззвучно, одними губами.

— Он хочет карту вашей устойчивости. Риск повреждения твоей нервной системы — точно, а насколько это будет опасно для Никса — неизвестно.

«Протокол Молчание, — мысленно подал голос Никс, по руке Юлиана пробежала лёгкая, успокаивающая волна. — Говорим через меня».

Юлиан подошёл к Глебу, опёрся о стол рядом. Его палец невзначай коснулся тыльной стороны ладони Глеба. Раньше Глеб отстранился бы, бессознательно, рефлекторно. Сейчас его рука осталась неподвижной. В точке контакта тончайшая нить биомассы Никса протянулась между ними, создавая мгновенный, незаметный для внешнего наблюдения мост.

«Будем сопротивляться?» — мысленно спросил Юлиан, уже внутри этого контакта.

Глеб мысленно ответил, чётко и прямо:

«Нет, надо имитировать сотрудничество и самим собирать данные».

«Они будут искать точки давления», — сказал Никс.

Слова были ровными, но Юлиан вдруг почувствовал, как симбионт внутри него будто сжался, готовясь к удару. Тепло под рёбрами стало плотнее — Никс инстинктивно пытался закрыть его собой.

«Эмоциональные триггеры. Страхи. Привязанности. Они попытаются изолировать меня от тебя».

Юлиан почувствовал, как тепло под рёбрами стало ещё чуть гуще.

«Я постараюсь защитить тебя, — продолжил Никс. — Но если они найдут способ заблокировать меня или подавить мою активность...»

После паузы он тихо добавил:

«Я не хочу, чтобы ты остался один».

Планшет Глеба, лежавший рядом, внезапно завибрировал, на экране высветился герб СКБ. Юлиан вздрогнул от неожиданности. Контакт разомкнулся, Никс вернулся, собравшись в плотный узел внимания. Глеб взял планшет и прочитал сообщение. Его лицо окаменело. Медленно он протянул планшет Юлиану.

ОТ: КОРШУНОВА А.В.

ДЛЯ: «ЭКИПАЖ» (ШТЕРН, СИНЧИН)

ЗАДАНИЕ: ОЦЕНКА АНОМАЛИИ СЕКТОР 7-ГАММА

ЦЕЛЬ: РАЗВЕРНУТЬ СЕТЬ РЕТРАНСЛЯТОРОВ, ПРОВЕСТИ АНАЛИЗ УГРОЗЫ.

СТАТУС: ПРИОРИТЕТ «ОМЕГА».

ВЫЛЕТ: 12:00.

ПРИМЕЧАНИЕ: ВАША УНИКАЛЬНАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ДЕЛАЕТ ВАС ЕДИНСТВЕННЫМИ ПОДХОДЯЩИМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ.

Никс застыл, а потом внутри поднялась тяжёлая, тревожная волна, прошедшая по всему телу.

Юлиан смотрел на планшет, и строчки приказа расплывались перед глазами. Сектор 7-Гамма. Там, на «Эхо Выбора», Никс, отключая установку, совершил то, что СКБ до сих пор не может понять — отправил сигнал в пространство. Послание сородичам о возможности выбора. Предположительно через грани реальностей. Теперь Коршунова хочет увидеть, что из этого выросло.

«Она знает,— тихо сказал Никс. — Она не просто проверяет. Она хочет увидеть, что мы сделаем, если столкнёмся с прошлым лицом к лицу».

Юлиан поднял глаза от планшета и встретился взглядом с Глебом.

В их сознании всколыхнулась вся тяжесть «Эха Выбора» — боль, вина, сделанный в отчаянии выбор и послание Никса своим братьям. И на эту старую боль накладывалась тревога. Коршунова не отправляла их на рядовое задание. Она бросала их обратно в эпицентр их личной катастрофы, как единственный ключ, и ожидала, что они сработают.

Глава 2. Аномалия

Гермодвери ангара разошлись. В центре залитого светом пространства стоял корабль «Эхо» — новый и чистый. Внутри он оказался компактным и более уютным, чем тот, на котором они летели раньше. Коридор, рубка, кают-компания, медицинский отсек и два спальных блока.

Глеб сразу прошёл в рубку, опустился в кресло пилота, пальцы заплясали по панелям — калибровка, сверка показателей, тест-драйв систем.

Юлиан задержался в кают-компании: небольшое помещение, стол, два кресла, репликатор. Он провёл пальцем по столешнице — холодный пластик, чуть шероховатый, без единой царапины. Точно такой же пластик был в рубке того, первого «Эхо». Там за несколько дней они успели оставить след: пролили кофе, и один сенсор начал сбоить. Глеб тогда молча всё протёр, перезагрузил и на сутки запретил себе пить кофе в рубке.

Здесь было слишком чисто. Будто сюда ещё не впустили жизнь. Никс молчал, но Юлиан чувствовал его присутствие — плотное, тёплое, внимательное.

«Так тогда, — вдруг сказал Никс. — Только маленький. Только для нас».

— Да, — тихо сказал Юлиан.

Он подошёл к репликатору и вспомнил, как разогревал на том «Эхо» пайки и делал кофе, тогда Никс был внутри — ещё чужой и непонятный. Помолчав, Юлиан спросил:

— Никс, почему тогда ты выбрал меня?

Никс не ответил сразу. Юлиан чувствовал, как тот пытается подобрать ответ. Потом мысленный голос прозвучал с едва заметными паузами между словами.

«Ты был оптимальным носителем. Я выбрал тебя за эффективность. Доступность. Низкий риск отторжения. Способность к договору».

Юлиан сглотнул. Он ожидал чего-то более человеческого.

— То есть я был просто удачным кандидатом?

«Конечно. Самым удачным».

Юлиан почувствовал, как под рёбрами что-то холодно сжалось.

— В чём именно?

«Высокий пси-потенциал. Твоя система находилась в состоянии краха — это снижало сопротивление. Никто бы не подошел лучше. Тем более — Стратег: он был устойчивее, а я хотел опробовать новый метод — договор».

— А помнишь, ты хотел убить Глеба, когда он активировал «Айсберг»? А до этого уточнял, сможем ли мы выжить без него.

«Я испугался. Думал, он нас уничтожит. Тогда я не знал, что с ним можно договориться».

— Но теперь понимаешь?

«Теперь понимаю, что ты можешь договариваться за нас обоих».

Юлиан покачал головой. Тепло внутри стало чуть гуще.

— А сейчас я для тебя кто?

«Ты для меня — Конфигурация Мы».

— Это как?

«Термины "Носитель", "Партнёр" — неполные. Ты — не функция. Ты — условие».

— Условие чего?

«Существования».

— А ты? Ты для меня кто?

В ответ — чистое, почти детское замешательство.

«Я — Никс».

Юлиан усмехнулся — он вспомнил тот разговор в каюте, когда впервые спросил: «Как мне тебя называть?». Никс тогда ответил: «У моего вида нет имён». А потом принял имя, предложенное Юлианом.

Он машинально провёл пальцем по запястью, где под кожей пульсировал тёмно-рубиновый узор. Вспомнился первый жест заботы Никса — тогда это было одновременно жутко и трогательно.

«Ты дал мне имя,— настойчиво продолжил Никс, не дождавшись ответа. —И сказал, что имя дают личности. С личностью ведут переговоры».

— Да.

«Ты согласился на Договор».

— Это ты согласился на договор, — поправил Юлиан.

Внутри, в их общем пространстве, повисла задумчивая тишина. Оба одновременно осознали, что всё это время каждый приписывал заслугу себе.

«Мы оба согласились?» — переспросил Никс с неуверенностью.

— Да, — ответил Юлиан, и в голосе его прозвучало удивление собственным открытием.
— Мы оба.

Никс отозвался тёплой, чуть вибрирующей волной и замер, обдумывая.

«Я рассматривал Договор как наиболее эффективную тактику», — наконец сказал он.

Юлиан сжал край столешницы.

— А я — как вариант выжить.

«Но это работает, — сказал Никс с глубоким удовлетворением. —Конфигурация стабильна. Это... эффективно».

Юлиан усмехнулся уголком губ.

— Ты опять сводишь всё к эффективности.

— К вылету готовы, — донёсся голос Глеба из динамика.

Юлиан поднялся.

— Идём, — сказал он. — Работаем.

Никс отозвался короткой, тёплой волной. Юлиан шагнул к выходу из кают-компания, но на пороге задержался. Овернулся на пустой стол, на иллюминатор, в котором не было ничего, кроме черноты и его собственного отражения.

— Никс, спасибо. Что выбрал меня.

«Я... — начал говорить Никс, остановился, а потом осторожно закончил, — Я рад, что ты — аномалия».

На запястье проявились узоры и мягко засветились, разливая тепло по всей руке. Юлиан улыбнулся — одними уголками губ, почти незаметно.

— Я тоже, — сказал он. — Рад.

Юлиан вернулся в рубку. Глеб уже закончил проверку — двигатели гудели ровно, утробно, будто корабль тоже готовился к прыжку. Юлиан опустился в кресло, не говоря ни слова. Глеб молча активировал взлёт, и «Эхо» мягко оторвался от палубы. Ангар в иллюминаторах поплыл вниз, сжался в светящуюся точку и исчез, уступив место черноте.

Юлиан смотрел в иллюминатор. В отражении стекла он видел своё лицо и — чуть заметно, на грани восприятия — тёмно-рубиновый отсвет на щеке, светящийся в такт дыханию.

Впереди была аномалия и эхо их собственного выбора.

«Эхо» шло через подпространство ровно, убаюкивающе, почти медитативно.

Юлиан сидел в кресле второго пилота, удерживая на коленях планшет. На экране застыл старый отчёт — последняя медицинская сводка с «Вектора». Отчёт о полном выздоровлении.

Знакомые фамилии, знакомые показатели. Он перечитывал один и тот же абзац в пятый раз и не понимал ни слова.

Никс молчал. Юлиан чувствовал его присутствие как ровный, спокойный фон: симбионт ушёл в глубину, обрабатывал данные, к которым у человеческого сознания не было доступа. Иногда сквозь этот фон пробивались короткие, почти незаметные вспышки — Никс на что-то натёкался, обдумывал, откладывал, шёл дальше.

Юлиан сбросил планшет на соседнее кресло.

— Не читается, — сказал он вслух.

Глеб, занятый навигацией, коротко глянул в его сторону и ничего не ответил. Никс не отозвался тоже. Гул двигателей, писк приборов, тихое дыхание Глеба. Белый шум, в котором можно утонуть. Юлиан откинул голову на подголовник, закрыл глаза.

Вдруг в его груди разлилось тепло.

— Никс, ты о чём-то подумал? — спросил Юлиан.

«Конечно, — ответил Никс. — Я всегда думаю».

— О чём в этот раз?

«Конфигурация стабильна. Это... приятно».

Юлиан почувствовал, как Никс ненадолго задержался на этой мысли, разворачивая её глубже, и сквозь их связь проступило тихое, сосредоточенное размышление:

Паразитизм и подавление неэффективны. Эта конфигурация иная. Договор. Взаимная выгода. Носитель принял симбиоз как преимущество, а не угрозу. Присвоил имя — «Никс». Имя дают личности. С личностью ведут переговоры. Носитель согласен на «Мы».

А Юлиан подумал о том, как многое изменилось с тех пор, как они впервые отправились к «Калибру Скорби». Как каждый из них решил понять другого, и, несмотря на ошибки и боль, они смогли выстроить доверие.

«Ты волнуешься», — сказал Никс.

— Да. Там, куда мы летим. Я не знаю, чего ожидать.

«Я тоже не знаю, — после паузы ответил Никс. — Раньше неопределённость раздражала. Теперь... интригует».

«Это новое чувство. Я его изучаю».

«Эхо» вышел из прыжка ровно в расчётной точке.

Глеб мгновенно пробежался по показателям: выход штатный, отклонение минимальное, системы в норме. Запросил данные внешнего сканирования, выводя на главный экран карту сектора.

— Мы на месте, — сказал он. — Сектор 7-Гамма. Периметр аномалии.

Юлиан подался вперёд, вглядываясь в экран. В том секторе, куда указывали координаты, были звёзды, а посреди них — разрыв. Он не мог подобрать другого слова. Пространство в центре сектора выглядело больным. Звёзды вокруг были искажены, вытянуты, словно их затягивало в невидимую воронку. А сама «прореха» мерцала слабым, матово-серым свечением — то появляясь, то исчезая, словно не могла удержаться в реальности.

Глеб запустил полный анализ.

— Нестабильность гравитационного фона, — продиктовал он вслух. — Отклонения в излучении — хаотичные, не поддающиеся экстраполяции. Пси-сигнатура...

Он замолчал.

— Что? — спросил Юлиан.

— Пси-сигнатура не классифицируется, — сказал Глеб. — Датчики фиксируют её как одновременно «нулевую» и «переполненную». Противоречие.

Он обернулся к Юлиану.

— Нужны ваши данные.

Юлиан кивнул и прикрыл глаза. Никс отозвался сразу — плотное, тёплое присутствие осторожно развернулось, сканируя. Юлиан почувствовал холод. Не физический. Пустота, в которой ничего нет. Ни жизни, ни смерти, ни боли, ни покоя. Просто... ничто. Он сжал подлокотники.

— Там ничего нет, — выдохнул он.

«Там есть я... — мысленный голос симбионта споткнулся. — Странно».

Юлиан открыл глаза, а Никс продолжил:

«Сигнатура аномалии имеет структуру. Она не хаотична. Она организована».

— Организована? — переспросил Юлиан.

«Да. В ней я чувствую сигнал. Искажённый, но узнаваемый. Это напоминает мой Дар: присвойте статус Друг».

Юлиан замер. Он вспомнил тот момент, когда Никс послал импульс сквозь пространство, чтобы дать другим его сородичам шанс.

— Тот, который ты отправил в прошлое? На станции «Эхо Выбора»?

«Да. Ноон лишён того, что делало его живым».

— Живым?

«Я вложил в него выбор. Возможность стать другим. А этот... он ничего не выбирает. И не даёт выбор. Он просто есть. Как константа».

Слово повисло в воздухе. «Константа». Юлиан сглотнул. Он вдруг отчётливо понял, что Никс не знает, что это значит. Он узнаёт собственную подпись, видит искажение, и не может сложить это в законченную гипотезу.

Юлиан посмотрел на Глеба.

— Никс говорит, что сигнатура узнаваемая. Это отголосок его «Дара». Но искажённый. Замороженный. Постоянный.

Глеб перевёл взгляд на экран, где мерцала серая прореха.

— Как константа... — сказал он.

В рубке стало тихо — остался только фоновый шум систем жизнеобеспечения.

«Мы не одни», — сказал вдруг Никс.

Юлиан вздрогнул.

«Я не вижу их. Но они здесь. Как там. Но ближе. Рядом».

— Глеб, — медленно сказал Юлиан. — Никс фиксирует присутствие. Не в аномалии. Рядом с нами.

Глеб мгновенно переключил сканеры на ближний радиус.

— Никого нет, — сказал он. — Пусто.

«Пусто, — сказал Никс. — Но это не значит, что там никого нет».

Глеб развернул навигационную сетку, вывел на экран траекторию первого ретранслятора.

— Начинаем, — сказал он.

Его пальцы легли на панель управления. «Эхо» медленно двинулся вперёд, к серой мгле, то чётко видимой, то теряющей очертания.

Юлиан смотрел на экран. Никс молчал, но по запястью пробежали короткие, нарастающие волны — симбионт готовился.

Первый ретранслятор ушёл в расчётную точку точно, без отклонений. Глеб проследил взглядом за сигнатурой на экране: маленькая светящаяся точка отделилась от «Эха», описала плавную дугу и замерла в пустоте, готовая усилить сигнал и передавать данные.

— Ретранслятор на позиции, — сказал он. — Активация через десять секунд.

Юлиан следил за сигнатурой ретранслятора на экране — маленькая точка, отделившаяся от корабля, плыла в пустоте, чтобы занять своё место в невидимой сети. Это было похоже на забрасывание сети в океан, только океан этот был бесконечен и безмолвен.

«Если там кто-то есть, — тихо сказал Никс, — То они уже знают, что мы здесь. И наблюдают».

— Почему ты так считаешь?

«Я бы наблюдал».

Юлиан смотрел в иллюминатор. Серая прореха переливалась неровным светом — её края двоились, смещались, словно она жила по своим, нечеловеческим законам. Никс внутри него замер. Присутствие симбионта, обычно плотное, тёплое, вдруг собралось в тугую, напряжённый узел где-то под рёбрами.

«Она слушает, — ответил Никс. — Прореха ждёт меня».

Юлиан похолодел:

— Ждёт тебя?

Юлиан смотрел на таймер, отсчитывающий секунды. Ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы Никс ещё сказал что-нибудь — всё равно что. Чтобы разрядить эту давящую тишину. Но Никс молчал.

— Активация, — сказал Глеб.

Свет погас. Гул двигателей оборвался. Даже собственное дыхание — Юлиан не слышал его, хотя чувствовал, как воздух входит и выходит из лёгких. Он увидел лицо Глеба в отсвете аварийного экрана — застывшее, с расширенными зрачками. Глеб что-то говорил, открывал рот, но звук не рождался.

А потом свет вернулся — искажённый, неестественный. Тени сдвинулись и поползли по стенам. Экран основного монитора замигал, покрываясь рябью, и вдруг проявил не интерфейс «Эха», а чужую раскладку: чистый, выверенный код, текущий строка за строкой с безликой аккуратностью.

Глеб смотрел, не мигая.

— Квантовая сцепленность, — произнёс он, его голос прозвучал глухо, будто из-под толщи воды. — Макроуровень. Мы не одни в этом объёме.

Юлиан не сразу понял смысл слов. Он пытался дышать — воздух вдруг стал другим. Запах озона, привычный для «Эха», смешался с чем-то чуждым. Холод и воздух, которым дышали слишком долго и слишком экономно — затхлый, спрессованный, лишённый жизни.

Никс внутри резко дёрнулся.

«Они здесь».

Фантомы проступали медленно и вязко, как нефть, растекающаяся по воде. Сначала — тени. Потом — контуры приборов. Чужие пульта, чужой, выхолощенный минимализм.

Глеб смотрел на голограмму, зависшую прямо над его собственным экраном. В углу схемы мелькнули надписи: «К-0.0» — классификатор, и имя корабля — «Константа».

Архитектура была той же, что и у «Эха», но модификация... он никогда не видел ничего подобного. Жилой отсек сжат до минимума, спальных блоков нет — только две медицинские капсулы, встроенные в переборки. Всё подчинено одной цели: функциональности.

Он поймал себя на мысли, что ещё год назад сам бы спроектировал корабль именно так. Смотрел на схему, и его профессиональная часть восхищённо фиксировала эффективность решений. Человеческая — леденела. Он узнавал себя в этих линиях — себя, каким мог бы стать. Это было хуже, чем просто увидеть двойника.

— Пространство в границах кораблей наложено друг на друга, — ровно сказал Глеб. — Физического проникновения нет, но мы видим их терминалы и рабочее пространство. Они, вероятно, видят наше. Визуальный контакт с тем экипажем — вопрос времени.

Юлиан смотрел в иллюминатор: там, где недавно была серая прореха, теперь проступал силуэт чужого корабля. И вдруг остро почувствовал: там, за гранью, никто не пьёт чай и не оставляет кружку на столе, не ждёт утра.

После долгой, тягучей паузы Никс сказал:

«Там — не я».

Чужие голограммы мерцали на пультах, выводя бесконечные строки чистого, идеального кода. Холодный, застоявшийся воздух леденил кожу.

Глава 3. Кривое зеркало

Воздух с «Константы» оказался сухим и холодным — идеальным для техники, но убийственным для лёгких. Системы рециркуляции, вероятно, работали на минимуме, экономя ресурс, а охлаждение — на полную мощность. Юлиан глубоко вдохнул и почувствовал, как в горле зашипало: воздух был сухим и спёртым.

Внутри, под рёбрами, стусилось тяжёлое, настороженное тепло.

«Границы стираются. Наши реальности проникают друг в друга».

Глеб молчал, вглядываясь в экран. Поверх привычного интерфейса «Эха» проступили чужие, прозрачные контуры — идеально выверенные, без единого лишнего элемента. На экране мелькнули навигационные данные «Константы»: корабль провёл в этом секторе несколько месяцев. Словно что-то искал. Или ждал.

— Они здесь давно, — голос Глеба прозвучал с едва заметной тревогой.

Юлиан почувствовал, как внутри, под рёбрами, Никс напрягся, собираясь в тугую, настороженный узел.

— Ждали? — переспросил Юлиан, и в его голосе прозвучало то, чего он сам не ожидал: страх.

«Или искали, — поправил Никс. — То, что я послал тогда».

Юлиан сглотнул и перевёл взгляд на Глеба. Тот всё ещё смотрел на экран, пальцы замерли над панелью.

— Посмотри, — сказал Глеб, не оборачиваясь.

Юлиан подошёл ближе, вглядываясь в мерцающие строки. Код был пугающе красивым, как идеально выстроенная логическая схема, в которой нет места случайностям.

— На что именно?

Глеб помедлил, подбирая слова. Когда он ответил, в голосе скользнуло что-то, от чего у Юлиана кольнуло под рёбрами.

— Как всё эффективно.

Юлиан не видел лица Глеба, но чувствовал эмпатией то, что тот пытался скрыть: восхищение, смешанное с ужасом. Глеб смотрел на этот код и видел того, кем мог бы стать. Логику, доведённую до абсолюта. А где-то глубоко, под слоями привычного контроля, уже шевелился страх.

«Он боится себя», — тихо заметил Никс.

Юлиан молча кивнул, но он знал: когда Глеб слишком глубоко уходит в расчёты, горячая кружка возвращает его обратно.

— Я за кофе, — сказал Юлиан и вышел.

На полпути в кают-компанию он замер.

Мир дрогнул. Сквозь левую переборку, ставшую вдруг прозрачной, проступила чужая рубка — угловатые приборы, плотно пригнанные друг к другу, освещенные тусклым серо-стальным светом. Опять пахло густым холодным воздухом, будто пропитанным статикой.

На гладкой поверхности аварийного щитка мелькнуло лицо. Юлиан не сразу понял, что это отражение, но не его. Измождённое, с тёмными кругами под глазами, с резкой складкой у губ, которой у Юлиана не было. Взгляд — уставший, но жадный. Словно человек в отражении смотрел на воду в пустыне и не верил, что она настоящая.

Изображение дрогнуло, пошло рябью — и исчезло. На миг Юлиану показалось, что он слышит далёкий, искажённый голос, но звук оборвался, не успев сложиться в слово. Юлиан стоял в пустом коридоре, глядя на переборку, которая только что была прозрачной.

Внутри толкнулось знакомое тепло, и Никс заговорил:

«Нуль... сканирует меня».

— Нуль — кто это?

«Он как я, но другой».

— Как ты почувствовал?

Никс ответил глухо, почти растерянно:

«Как прикосновение к оголённому проводу, по которому никогда не шёл ток».

Никс внутри сжался.

— Больно?

«Нет. Пусто».

Глеб сидел в рубке один, когда услышал голос. Ровный, лишённый интонаций, он будто просочился сквозь стык реальностей.

— Контур охлаждения: стабилизация температуры. Дельта: 0.0043. Допустимое отклонение.

Глеб резко обернулся.

Никого. Только фантом чужого пульта мерцал в полуметре от его локтя — полупрозрачные контуры, наложенные на родные панели «Эха». Строка кода ползла по экрану, буквы и цифры складывались в идеальные, геометрически выверенные ряды, без графической оболочки, только текст.

Сердце пропустило удар.

Голос был эхом из параллельного мира, случайно прорвавшимся сквозь истончившуюся ткань реальности. Его собственный голос, лишённый эмоций и человечности. Как автоответчик, заикленный на технических параметрах. Глеб сжал кулаки, чувствуя, как по спине пробегают ледяной озноб. Где-то там, в параллельной реальности, его копия не может вырваться из петли собственных алгоритмов.

Он на мгновение задержал дыхание, прислушиваясь к ощущению чужого присутствия — где-то совсем рядом, за гранью, которую нельзя увидеть, но можно почувствовать кожей. Воздух стал плотнее, будто налился статикой. Краем глаза он уловил движение — тень, скользящую по стене, хотя источник света был один и неподвижен.

Глеб заставил себя дышать ровно. Контроль.

Он медленно повернулся обратно к пульта, заставляя мышцы подчиняться. Фантом чужого оборудования всё ещё висел на периферии зрения, но он старался не смотреть на него.

Голос не повторился.

Юлиан вернулся в рубку и замер на пороге. Он ожидал увидеть фантомы приборов, искажённое пространство, что угодно — только не это. Двойники. От этого зрелища у него на секунду перехватило дыхание.

Его Глеб сидел в кресле пилота, не отрывая взгляда от экрана, а рядом с ним — двойник. Тот же разрез глаз, те же скулы, но поза неестественно прямая, без малейшего движения. Пальцы застыли над пультом, не касаясь его, — будто ждали незримой команды. На висках и шее чужого Глеба мерцало холодное, серебристо-стальное сияние — сеть тонких молний, искрящихся напряжением. Два Глеба рядом — как оригинал и отражение в кривом зеркале. Один — живой, а второй — холодный, с серебристыми нитями под кожей.

Никс дёрнулся внутри Юлиана — резко, почти агрессивно. Шею обожгло холодом. Бросив взгляд на иллюминатор, Юлиан увидел в отражении ядовито-зелёный кристаллический шип, обвивший его шею. Юлиан вдруг понял: это не собственничество, а защита. Никс не говорил «это моё» — он говорил «моё не тронь».

Глеб, сидевший в кресле пилота, вдруг резко обернулся. Он успел заметить то, что проступало из-за грани, — и замер. Взгляд скользнул по лицу Юлиана, задержался на шее, потом снова на двойников. Глеб напрягся, готовый вскочить, но Юлиан качнул головой: не сейчас.

Серебристое сияние под кожей чужого Глеба вспыхнуло ярче — словно Нуль отреагировал на зелёный ошейник, обвивший шею Юлиана. Тот Глеб медленно повернул голову. Его взгляд — пустой, машинный — остановился на Юлиане, скользнул по шее и вернулся к пульту.

«Нуль не спрашивает, — донёсся до Юлиана голос Никса. — Носитель не возражает. Они работают».

— Работают, — одними губами повторил Юлиан.

Он смотрел на того Глеба — на идеально прямую спину, на пальцы, замершие в миллиметре от пульта, на застывший взгляд. Это не был его Глеб. Это вообще не было Глебом. Это была функция, у которой когда-то было имя. Интересно, он вообще способен на что-то, кроме расчётов? Или Нуль вытравил из него всё человеческое?

Мир раскололся надвое, и в этом расколе Юлиан увидел и собственное отражение, искажённое до неузнаваемости. Рядом, чуть в стороне от того Глеба, стоял он сам, прислонившись к переборке и скрестив руки на груди, в выцветшей форме с потёртостями на манжетах. Лицо — осунувшееся, с тёмными провалами под глазами и голодом в глазах. Юлиан смотрел на другого себя, видел циничную маску и резкую складку в углах губ, но эмпатией чувствовал жгучую зависть. И надежду. Такую же затхлую, как воздух на «Константе».

— Ты... — начал тот, другой Юлиан, прокашлялся резко и дёргано, — Твой паразит... он правда тебя слышит?

Слова повисли в воздухе. Юлиан открыл рот, чтобы ответить, фантомы дрогнули, словно изображение на экране. Тот, другой Юлиан шагнул вперёд, пытаясь удержать миг, — но реальности уже разделились.

Юлиан смотрел на опустевшее место, где только что стоял его двойник, и вдруг понял: грань ещё не закрылась. Тонкая, почти неосознаваемая, но всё ещё здесь. Он не знал, как это работает — эмпатия иногда действовала непредсказуемо. Он просто шагнул в эту зыбкость, туда, где ещё теплилось чужое присутствие.

«Ты слышишь меня?»

Тишина. А потом — слабый, рваный импульс. Не слова, но ощущение: растерянность, недоверие, и где-то глубоко — отчаянная, почти болезненная надежда.

Юлиан замялся, подбирая слова, которые не звучали бы фальшиво, чтобы не скатиться в пустые утешения.

«Я знаю, как это — когда кажется, что ты просто функция. Когда внутри пустота, и никто не видит тебя. Но это не навсегда. Слышишь?»

На той стороне молчали так долго, что Юлиан испугался — потерял контакт. Но потом пришло — глухое, с надломом:

«Зачем ты это делаешь?»

В этом вопросе было такое отчаяние, что у Юлиана перехватило горло, и ему пришлось сделать усилие, чтобы вдохнуть.

«Потому что ты — это я. А я себя знаю».

Тепло, которое Юлиан посылал, вдруг стало плотнее, ощутимее — он почувствовал, как тот, другой, жадно впитывает его, не веря, но принимая. Связь оборвалась резко, будто кто-то перерезал нить. Но в груди осталось эхо — чужое, тёплое, живое.

Никс внутри тихо сказал:

«Он запомнит. Это будет греть его, когда станет совсем холодно».

А потом реальность, словно устав удерживать границы, всё чаще стала пропускать сквозь себя чужие образы.

Глеб хотел подогреть себе паёк, а вместо этого он нашёл другого Юлиана. Тот стоял спиной перед призраком репликатора с «Константы» в коридоре. Его движения были резкими, угловатыми — никакой плавности, которой Глеб привык видеть в своём Юлиане. Пальцы вбивали команды с ожесточённой, почти яростной точностью.

— Параметр В-4, — бормотал не его Юлиан себе под нос. — Калибровка, калибровка... идиотская железка, работай...

Он обернулся, и Глеб увидел его лицо, узнаваемое, и в то же время абсолютно чужое. Тени под глазами от усталости и истощения. Резкая складка у губ. Взгляд — быстрый, цепкий, оценивающий.

— Ты, — сказал тот с хрипотцой севшим голосом. — Из мира, где ты остался собой. Где вы не дали друг другу сдохнуть. Или он тебе.

Он кивнул куда-то в сторону, за грань реальности — туда, где остался настоящий Юлиан.

— Какая теперь разница, — тот Юлиан шагнул ближе. Глеб не отступил.

— Знаешь, что самое смешное? — Юлиан криво усмехнулся. — Я же был рядом. Я пытался. Кричал, требовал, умолял: «Сделай что-нибудь. Верни его».

Он замолчал. Пальцы сжались в кулак.

— А он просто сидел и смотрел на меня своими новыми глазами. И говорил: «Это оптимальное решение». Оптимальное. Твою мать.

Глеб молчал. Его логика, его выверенные стратегии — всё это было бессильно перед этим взглядом. Он не знал, как нужно ответить.

— Ты — его версия, — сказал Юлиан. — Тот, кто не превратился в это.

Юлиан смотрел на него в упор, и сквозь собственную боль он вдруг заметил микроскопическую деталь: пальцы Глеба чуть дрогнули. Страх? Сожаление? Где-то в глубине души Юлиана шевельнулось холодное, профессиональное любопытство: «У него есть брешь. У всех есть брешь».

— Я... — начал Глеб.

— Не надо, — оборвал Юлиан. — Не извиняйся. Ты же всё просчитываешь.

Он отвернулся обратно к панели.

— Просто... знай. Там, у вас, ты сделал всё правильно. Не облажайся дальше.

Фантом дрогнул, словно изображение на экране при скачке напряжения, и растаял. Глеб остался один. В сознании отпечатался хриплый голос: «Не облажайся».

На «Константе» было холодно. Юлиан привык — закутывался в старую куртку, грел руки о тёплые панели приборов. На «Константе» эффективность была важнее тепла. Поэтому, когда воздух вдруг стал влажным, он не поверил своим ощущениям. Он замер. Вентиляция работала штатно. Фильтры — тоже. Но запах...

Он не узнавал этот запах. Чистый. Свежий. С лёгкой, едва уловимой нотой озона — и ещё чего-то, чему у него не было названия. Что-то живое, тёплое, будто в воздухе плавали микроскопические частицы света.

Юлиан глубоко вдохнул. Лёгкие раскрылись, как после долгого удушья. Где-то в груди, там, где давно уже ничего не болело, что-то слабо, едва заметно дрогнуло. Он втянул воздух ещё раз, жадно, почти испуганно — и вдруг вспомнил. Так пахло на «Векторе». До бури. До всего. Там воздух был таким же прозрачным, почти живым.

Юлиан замер, боясь дышать. Боялся, что ощущение исчезнет, как только он сделает лишнее движение. Воздух был тёплым и влажным — чужим для «Константы», но таким родным для него самого. Он вдруг почувствовал, как защипало в носу. Стыдно. Глупо. Он уже давно не позволял себе такого.

Освещение в рубке тоже изменилось. Тускло-серое свечение сменилось мягким, почти уютным светом. Юлиан оглянулся на Глеба.

Глеб в это время смотрел на пульт, где сквозь реальность просочилось видение чужого корабля, и вспоминал, как в глазах того, другого, был шок. Нуль молчал, но где-то в глубине, в том самом архиве, который Глеб научился не замечать, коротко и почти незаметно кольнуло. Он отогнал это ощущение.

Внутри, в их общем сознании, Нуль зафиксировал: **ПОВЫШЕНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ НА 2.3°C.**

Глеб ровно, без интонации, повторил вслух:

— Изменение параметров среды «Константы». Температура: +2.3°C от базовой. Влажность: повышение на 17%. Вероятность: 94% — интерференция с системой жизнеобеспечения объекта «Эхо». Классификация: аномалия.

Юлиан смотрел на него. Глеб говорил о воздухе, которым можно дышать, о свете, в котором можно видеть, и называл это изменением параметров среды.

— Это просто воздух, — тихо и умоляюще сказал Юлиан. — Тёплый воздух.

Глеб перевёл на него пустой взгляд полностью лишённый эмоций: слова Нуля сами складывались в его сознании, готовые сорваться с губ.

— Температурный режим «Константы» оптимизирован для работы вычислительных систем. Повышение температуры на 2.3°C увеличивает нагрузку на охлаждение на 7%. Это неоптимально.

Юлиан закрыл глаза и снова вдохнул. Тёплый, влажный, живой воздух. Он не хотел, чтобы это заканчивалось. Он вдруг понял, что не помнит, когда в последний раз дышал так — свободно, полной грудью, не боясь, что каждое движение отнимет силы. На «Константе» воздух был мёртвым. Как и всё здесь.

— Знаешь, — тихо сказал он, обращаясь то ли к Глебу, то ли к самому себе, — Я думал, что забыл, как это. Оказывается, не забыл.

Глеб не ответил — проигнорировал, как и всё остальное, что говорил Юлиан. Воздух постепенно остывал, возвращаясь к привычной стерильности. Юлиан не пытался его удержать, да и не мог. Он просто сидел и дышал, пока было чем.

На «Эхе» время текло своим чередом. Глеб сидел в рубке, уставившись в терминал. Юлиан стоял у иллюминатора, глядя на силуэт «Константы», и чувствовал ровную, успокаивающую вибрацию Никса. В иллюминаторе «Константа» начала искажаться. Её контуры размывались, двоились. Каждый раз, когда Юлиан пытался сфокусироваться на реальности, она ускользала.

«Они не знают, что с нами делать», — сказал Никс.

— Мы тоже, — ответил Юлиан.

«Нуль фиксирует нас как аномалию. Его Носитель — как угрозу, подлежащую анализу. А другой...»

Никс замолчал.

«Он хочет то, что есть у тебя. Выбор».

— Я не знаю, как ему помочь.

«Ты можешь только быть собой, — голос Никса звучал тихо и ровно. — Как альтернатива. Доказательство того, что путь Нуля — не единственный».

— Этого мало, — грустно сказал Юлиан.

«Но это всё, что у нас есть», — ответил Никс, и внутри разлилось ровное, убаюкивающее тепло.

Юлиан медленно выдохнул. Воспоминание пришло само — день, когда Глеб узнал о Никсе и изолировал их. Тогда Юлиан смотрел на экран и не знал, выйдет ли когда-нибудь снова из каюты. А Глеб... Глеб метался между протоколами и тем, что чувствовал, хотя сам,

наверное, не понимал, что чувствует. Никс согласился уступить и ждал, пока Юлиан вел переговоры. Глеб выбрал диалог.

Там, в другой реальности, такого шанса никому не дали. Нуль взял контроль не спрашивая. Юлиан понял — вся разница в том, что у кого-то был выбор, а у кого-то — нет.

Юлиан продолжал смотреть в иллюминатор и увидел, что силуэт «Константы» дрогнул — края поплыли, потеряли чёткость, как изображение на старом экране со сбитой синхронизацией. На миг корабль будто раздвоился: рядом с ним, смещённая на несколько градусов, проявилась его призрачная копия, сотканная из серых помех. Сквозь неё на секунду проглянули звёзды — чужие звёзды другой реальности, — и тут же исчезли, когда видение схлопнулось в точку и погасло. По корпусу пробежала рябь, словно по водной глади, и «Константа» вновь застыла идеальным, ледяным силуэтом.

Никс внутри сжался, превратившись в тугой, напряжённый ком — так, что на миг перехватило дыхание.

«Константа» висела в пустоте, снова идеальная и застывшая. Но теперь её неподвижность казалась обманчивой.

Глава 4. Общее уравнение

Юлиан сидел в тишине кают-компания «Эха». Мысли о двойнике не отпускали — тот, другой, с голодом в глазах и циничной складкой у губ. Никс молчал, но Юлиан чувствовал его присутствие.

— Ему так холодно, — прошептал Юлиан. — Там, в этой ледяной пустоте.

Он не знал, можно ли так — просто послать тепло. Просто захотеть. Он не знал, дойдёт ли, и работает ли это вообще — эмпатия никогда не была точной наукой, а тут ещё и граница реальностей. Но когда он закрыл глаза, внутри вдруг стало так тихо, что он услышал собственный пульс. И в этой тишине просто... отпустил.

Он почувствовал, как тепло уходит из него, перетекает через невидимую грань. На миг стало пусто и страшно. Но потом внутри, на самом дне, что-то дрогнуло, давая знать: он не лишился тепла, а просто отдал его.

Теплом, что копилось в груди, всем, что делало его человеком, поделился с тем, другим. Без условий. Без надежды на ответ. Просто так.

А в это время на «Константе» тот Юлиан вздрогнул, когда внезапная волна тепла накрыла его, словно кто-то укутал невидимым одеялом. Он поднял голову, оглядываясь. Никого. Но тепло осталось, пульсируя где-то под рёбрами. Он не понимал, что это было. Может, сбой в системах жизнеобеспечения? Но системы работали штатно. А тепло — было. И оно пахло... чаем? Кофе? Он не мог объяснить, но вдруг вспомнил тот голос, что говорил с ним через грань. И понял: это оттуда. Для него.

Он прижал руку к груди, туда, где пульсировало тепло, и замер. Впервые за долгое время не почувствовал пустоты. Был кто-то, кому не всё равно.

Взгляд упал на Глеба. Тот сидел в кресле пилота, уткнувшись в пульт, — идеально прямая спина, пальцы, с нечеловеческой точностью работающие с клавиатурой.

Раньше Юлиан пытался нащупать в нём хоть что-то — страх, боль, надежду, но эмпатия наткнулась на пустоту. И это было страшнее, чем если бы он ненавидел. Разумом он понимал, что Глеб не виноват. Но легче от этого не становилось.

Сколько раз за эти месяцы Юлиан представлял, как берёт что-то тяжёлое и... всё. Но что потом? Сдаться СКБ? Они бы его, конечно, приняли. Но как управлять этим кораблём, во что его превратили Глеб и Нуль, он не знал. Да и в таком случае всё было бы кончено. А пока Глеб рядом — пусть даже такой — есть надежда, что он вернётся. Что Нуль когда-нибудь отпустит. И этот кошмар закончится.

В иллюминаторе было видно, как «Константа» теряет монолитность. Края корабля оплывали, теряли резкость. Иногда корабль двоился — рядом с основным силуэтом на секунду появлялась призрачная копия, смещённая на несколько градусов, и тут же исчезала.

Глеб смотрел на это и видел: процесс ускоряется. Амплитуда колебаний нарастала, разность фаз стремилась к нулю. Если они ничего не сделают, две реальности войдут в режим стоячей волны и навсегда зафиксируются друг в друге. «Константа» не исчезнет, но перестанет быть отдельной. Она останется здесь, навсегда вплетённая в их общее пространство. И «Эхо» разделит её судьбу.

— У нас мало времени, — сказал он Юлиану. — И мы не можем просто уйти. Если попробуем разорвать сцепленность физически, энергия ударит по обоим кораблям.

Глеб активировал защищённый канал связи с СКБ. На экране появилась полковник Анна Коршунова — женщина средних лет, с жёстким лицом. Глеб невольно выпрямился, хотя и видел её не впервые.

— Докладывайте, — сказала она, сразу перейдя к делу.

Глеб доложил коротко и сухо, незаметно для себя вцепившись в край кресла:

— Произошла квантовая сцепленность. Два корабля, наш и ещё один, предположительно из альтернативной реальности, сливаются в один объём пространства. Системы проникают друг в друга. Чужой корабль сильно модифицирован: полная маскировка, стелс-режим, минимальное энергопотребление. На борту есть экипаж. Прогноз: без вмешательства процесс станет необратимым.

Коршунова молча слушала, но когда Глеб упомянул о модификациях и экипаже, её глаза чуть сузились — она мгновенно оценила и научную ценность, и потенциальные риски. Не отводя взгляда от экрана, она коротко кивнула кому-то за кадром — и тут же на периферии изображения мелькнуло движение: кто-то из операторов уже набирал сообщение, запуская экстренный протокол оповещения научного совета.

— Это первый подтверждённый контакт с альтернативной реальностью, — начала она. — Научный совет уже в курсе. Вы получите полную поддержку — ресурсы, связь. Ваша задача — установить контакт с экипажем, выяснить их намерения и, если возможно, убедить сотрудничать.

— Мы ценим ваше сотрудничество, — добавила она, и в её голосе мелькнуло что-то похожее на усталую честность. — Чем больше мы поймём, тем быстрее вы перестанете быть объектами. Но запомните: вы работаете под нашим контролем. Любое отклонение от протокола — и мы закроем сектор.

Коршунова замолчала и оценивающе посмотрела на Глеба:

— Есть идеи, как это остановить?

Глеб помедлил.

— Только гипотеза. Если представить сцепленность как две наложившиеся волны, нужно дождаться момента, когда они совпадут, и ударить в противофазе, чтобы их развести. — Он помолчал. — Но мы не знаем природу явления. Это может сработать... а может усилить эффект. Других вариантов нет.

Коршунова на мгновение отвела взгляд — туда, где на дополнительном экране научная группа уже просчитывала варианты. Она слушала, чуть склонив голову, потом снова посмотрела на Глеба. В её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Научный совет подтверждает: аналогия с оптикой — единственное, что сейчас имеет смысл. — Она помолчала. — И ещё: не пытайтесь уйти. Моделирование показало: разрыв сейчас уничтожит оба корабля.

Глеб кивнул, хотя она уже не могла его видеть. Связь оборвалась. В рубке снова стало тихо. Только тихий шум систем жизнеобеспечения напоминал, что они всё ещё в космосе. Глеб несколько секунд смотрел на погасший экран.

— Ты не сказал, что они — это мы, — тихо заметил Юлиан. — Почему?

Глеб повернулся:

— Потому что она военный. Для неё неизвестное — риск. Если она узнает о двойниках и втором симбионте, «Константу» сотрут в пыль. А мы с ними в одном объёме. Уничтожить их — значит уничтожить нас.

Юлиан кивнул и почувствовал, как Никс внутри него одобрительно завибрировал.

«Стратег принял верное решение», — сказал Никс.

Юлиан помолчал, глядя на погасший экран.

— Ты думаешь, она догадалась о двойниках? — спросил он.

Глеб не ответил сразу.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Но если она догадалась, то решила не уточнять. Слишком много неизвестных.

Юлиан стоял у иллюминатора и смотрел на «Константу».

— Знаешь, — сказал он вдруг, — у них там, наверное, даже чай не заваривают. Только пайки.

Глеб повернулся к Юлиану.

— Да, скорее всего, только пайки. А у нас — не только.

Юлиан усмехнулся. Странно, но от этой мысли стало чуть легче. Чернота за стеклом сгустилась, становилась всё более вязкой, будто космос готовился сомкнуться вокруг них навсегда, присутствие Никса стало плотнее, тяжелее — он вслушивался во что-то, что Юлиан не мог ощутить.

— Надо что-то делать, — сказал Юлиан. — Прямо сейчас.

Глеб вглядывался в схему модели слияния реальностей, его пальцы бегали по проекции, увеличивая отдельные узлы. Модель, с которой он работал, только что пришла с «Скорпиона». Научный совет СКБ, получив его гипотезу, за считанные минуты просчитал момент, когда реальности максимально сблизятся. Теперь эти расчёты лежали поверх его собственных черновых набросков. Он мельком подумал, что впервые работает с СКБ в одной связке, а не как подопытный образец.

— Нам нужно не гасить сигнал, — сказал Глеб. — Нам нужно дождаться момента, когда две реальности максимально синхронизируются, и резко разорвать связь. Как если бы две волны совпали по фазе — в этот миг они становятся одной. Если мы ударим в противофазе, они разойдутся. — Он помолчал. — Модель рассчитает момент синхронизации. Анти-волну мы создадим общим импульсом. Но для этого Нуль и Никс должны работать как единое целое.

Юлиан ещё раз посмотрел на «Константу», её края мерцали, теряя чёткость, как помехи на экране. Юлиану казалось, что возникновение этих помех совпадает с его дыханием — хотя он знал, что это только игра воображения.

— У нас нет выбора, — сказал он. — Придётся работать с ними.

Глеб кивнул, словно только и ждал этих слов.

— Я открою канал.

Его пальцы пробежали по панели. На экране всплыл запрос на соединение с «Константой». Секунда, другая — и ответ пришёл. Чистый, сухой текст:

«ЗАПРОС ПРИНЯТ. УСЛОВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОБМЕН ДАННЫМИ, ВРЕМЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: ДО СТАБИЛИЗАЦИИ РАЗРЫВА. СОГЛАСИЕ?»

Глеб прочитал вслух. Юлиан горько усмехнулся.

— Они даже «здравствуйте» не сказали.

— Им это незачем, — ответил Глеб и набрал ответ:

«СОГЛАСНЫ. У НАС ЕСТЬ РАСЧЁТЫ НАУЧНОЙ ГРУППЫ. ГОТОВЫ ОБМЕНЯТЬСЯ С ВАМИ ДАННЫМИ. ПРЕДЛАГАЙТЕ ПРОТОКОЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ».

На экране проявился объёмный чертёж — схема сцепленных кораблей с выделенными узлами. Поверх неё легли строки расчётов, формулы, параметры.

— Им нужна наша пси-подпись, — сказал Глеб, всё ещё вглядываясь в данные.

Юлиан почувствовал, как Никс внутри него сосредоточенно напрягся.

«Они хотят получить доступ к тому, что делает нас Мы, — сказал Никс. — К тому, что они называют неоптимальным шумом».

— Ты сможешь это передать? — спросил Юлиан вслух.

«Смогу, но Нуль должен суметь обработать эти данные...»

Юлиан понял, для Нуля, живущего чистыми вычислениями, обработать эмоции может быть предельно сложной задачей.

Глеб тем временем продолжал изучать предложение.

— Они также указывают, что в момент генерации анти-волны нужен стабилизирующий агент. Тот, кто будет удерживать реальности в точке разделения.

Глеб развернул схему на экране, подсвечивая ключевые узлы.

— Смотри. Мы строим математическую модель интерференции. Я и он, — он кивнул на изображение «Константы», — Отвечаем за расчёты.

Он переключил схему, выделяя участок.

— Это — отпечаток Никса. Эмоциональная структура его «дара». Её нельзя вычислить, её можно только получить. Никс передаст эту информацию тому симбионту, а тот построит его в модель.

— Нуль. Никс сказал, его зовут Нуль, — уточнил Юлиан.

Глеб повторил одними губами. Значение имени Нуль — не пустота, а начало отсчёта. Именно так он сам назвал бы идеальный алгоритм.

Юлиан нахмурился:

— А мы с тем Юлианом?

— Вы с ним — якоря, — Глеб указал на изображение того Юлиана. — Когда две реальности синхронизируются, граница между ними истончится. В этот миг ваша эмпатия станет единственной точкой опоры. Ты будешь удерживать связь с «Эхо». Тот Юлиан — с «Константой». И вы будете тянуть за эту нить, чтобы остаться у себя. Представьте, что вы держитесь за канат, а между вами пропасть. Если вы будете тянуть его к себе, вы останетесь каждый у себя, когда он порвется.

— Ты справишься? — спросил Глеб.

Юлиан посмотрел на «Константу», а потом сказал:

— Выбора же всё равно нет.

Никс внутри него отозвался короткой, тёплой волной.

«Выбор есть всегда. Просто этот — единственный, который нам подходит».

Юлиан усмехнулся.

— Никс, ты пошутил?

Никс, чуть помедлив, ответил:

«Я провёл анализ. Парадокс иногда смешно. Верно?».

Юлиан покачал головой, улыбаясь уголками губ.

Глеб снова склонился к пульту.

— Я отправлю подтверждение, но начнём чуть позже.

— Почему позже? — спросил Юлиан.

Глеб помедлил. Его пальцы на секунду замерли над клавиатурой.

— Мне нужно проанализировать модель.

Он не сказал главного: мысль о разговоре с собственной ледяной копией вызывала глухое, тошнотворное сопротивление.

Глеб замолчал, и Юлиан ощутил его страх перед самим собой, перед своим отражением. Он молча положил ладонь ему на плечо — всего на секунду, тёплую, сухую, спокойную. Глеб не обернулся, но плечо под рукой чуть расслабилось.

— Я понимаю, — тихо сказал Юлиан и вышел.

В коридоре было тихо, только гул вентиляции напоминал, что корабль живёт своей жизнью. Юлиан дошёл до кают-компания, опустился в кресло. Пальцы невольно легли на столешницу — прохладную и чуть шероховатую. Взгляд скользнул по тёмно-рубиновым узорам на руках. Никс проявлялся всё явственнее: не только вибрацией и теплом внутри, но и проступал на коже. На кистях рук, чтобы Юлиан не только чувствовал его внутри, но и видел, что тот рядом. На лице и шее — напоминая окружающим: Юлиан принадлежит ему.

Никс молчал, но Юлиан чувствовал его присутствие — плотное, тёплое, внимательное.

Вдруг перед глазами всплыло лицо того Юлиана: измождённое, с жёсткой циничной складкой у губ, с глазами, горящими голодом. А следом — другое. Холодное, идеально спокой-

ное, с серебристым свечением, проступающим сквозь кожу. Лицо, которое когда-то принадлежало Глебу, но теперь казалось маской, за которой ничего не осталось. Функция. Инструмент.

— Тот Глеб... — Юлиан запнулся, подбирая слово. — Его больше нет? Он мёртв?

Никс ответил не сразу.

«Нет, он жив».

— Я чувствовал пустоту. Там ничего нет.

«Ты не чувствовал то, что Нуль скрыл. Под пустотой — боль. Под болью — отчаяние. Он живой. Просто оптимизированный. Нуль заархивировал эмоции — они мешали выживанию. Разум остался. Тот Глеб может думать, но не чувствовать».

— То есть он рассуждает как человек, но ничего не ощущает? — спросил Юлиан.

«Да», — ответил Никс.

Потом Никс замолчал, и после долгой, тягучей паузы сказал:

«Это из-за меня».

Юлиан кивнул, но подумал о том, другом Юлиане. Наверное, он тоже ничего не чувствует от своего Глеба. Только пустоту. И поэтому так жадно впитывает чужое тепло.

— Что значит «из-за тебя», почему?

Никс ответил не сразу, в его мысленном голосе проступило сожаление.

«Мой дар. Послание. Я хотел дать другим шанс на такой же союз, как у нас. Нуль взял алгоритм и отбросил то, что делало его живым — эмпатию, сомнение, способность к диалогу. Он создал симбиоз без выбора — только расчёт».

— Я знаю, что ты не хотел, — тихо сказал Юлиан. — Но мне больно. Потому что из-за этого... из-за тебя... они страдают.

«Последствия есть. Я их создал. Не знаю, как, но я должен их исправить».

Юлиан вернулся в рубку. Глеб там всё ещё изучал схему, развёрнутую на главном экране.

— Что-то новое? — спросил Юлиан.

— Пока нет. Они прислали модель, ждут нашей пси-подписи. Я пытаюсь понять их логику.

Юлиан сел в кресло, бросил быстрый взгляд на Глеба. Тот всё ещё изучал схему, в его лице появилась сосредоточенная решимость.

— Я поговорил с Никсом, — негромко сказал Юлиан. — О том Глебе. О том, что Нуль с ним сделал.

Глеб замер, но не обернулся.

— Никс чувствует вину. Говорит, это из-за его дара Нуль так поступил.

Глеб медленно повернул голову.

— Послание не приказ, — сказал он. — Нуль сам решил, как его использовать, выбор был за ним.

Юлиан посмотрел на схему «Константы» и вдруг остро, почти физически представил, как его собственное сознание сжимается, сворачивается, уходит в архив, а тело продолжает работать. Он передёрнул плечами.

«Я бы не выдержал», — подумал он.

«Ты бы выдержал, — неожиданно отозвался Никс. — Но ты бы перестал быть собой».

Глеб внезапно решившись спросил:

— А если бы ты был на его месте? Если бы Никс тогда не пошёл на переговоры, а просто взял контроль?

Юлиан помолчал.

— Тогда я был бы таким, — он кивнул на «Константу». — И ты бы меня ненавидел.

Глеб хмыкнул:

— Я бы тебя боялся. Это хуже.

Глеб отвернулся к экрану, но Юлиан продолжал на него смотреть. Тот сидел, вглядываясь в схему «Константы», в выражении его лица вдруг проступило отчуждение — та же ледяная сосредоточенность, что и у его двойника. Всего на миг, потом Глеб моргнул, и тепло вернулось. Юлиан перевёл взгляд на экран, где мерцали чужие строки, и подумал: может быть, они не такие уж разные. Действительно, разница только в том, что у одних был выбор, а у других — нет.

Никс внутри вдруг дёрнулся — резко, болезненно.

«Он рядом. Пытается прощупать меня».

— Никс говорит, — Юлиан повернулся к Глебу. — Нуль пытается войти с ним в контакт.

Глеб мгновенно развернул панель сетевой безопасности. На экране замелькали строки — чужие запросы, попытки проникнуть в защиту «Эха», обойти протоколы.

— И в системы тоже лезут, — сказал он.

«Ему нужна не просто информация, — отозвался Никс. — Он пытается понять, как мы устроены».

Новый текст всплыл на экране:

«ВАШИ ПРОТОКОЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ НЕЭФФЕКТИВНЫ. ПРЕДОСТАВЬТЕ ПРЯМОЙ ДОСТУП — ЭТО УСКОРИТ АНАЛИЗ».

Глеб набрал ответ:

«ТОЛЬКО ПРИ УСЛОВИИ ВЗАИМНОГО ПРЯМОГО ДОСТУПА».

С «Константы» пришло:

«НЕОПТИМАЛЬНО. ВЫ СНИЖАЕТЕ ВЕРОЯТНОСТЬ НАШЕГО СОВМЕСТНОГО ВЫЖИВАНИЯ».

— Ответь им, — тихо сказал Юлиан. — Что мы согласны на их условия. Но доступ — только после того, как они предоставят свои данные.

Глеб кивнул. Пальцы пробежали по клавиатуре:

«ДОСТУП — ВЗАИМНО. ПРЕДОСТАВЛЯЙТЕ ДАННЫЕ».

Долгая пауза. Юлиан почти видел, как на «Константе» Нуль вместе с тем Глебом просчитывают варианты, взвешивают «оптимальность» и риск их согласия.

Глеб посмотрел на экран, где засветился текст:

«ПРОТОКОЛ ПРИНЯТ. НАЧИНАЕМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНУЮ СИНХРОНИЗАЦИЮ».

Пальцы замерли над клавиатурой. Он закрыл глаза — всего на секунду, но Юлиан, сидевший рядом, заметил.

«Он боится», — тихо сказал Никс.

Юлиан молчал, он знал это. И знал, что Глебу слова не нужны. Глеб открыл глаза, выдохнул и убрал руки от пульта. Потом повернулся к Юлиану:

— Они согласились.

Юлиан кивнул и почувствовал, как Никс внутри него разворачивается и готовится к первому обмену данными с Нулем. Узоры на руке засияли: бордовый перетёк в алый, свет разгорался, отдаваясь в костях низким, мощным звоном.

«Я начинаю передачу, — тихо сказал Никс. — Если он хочет понять, пусть увидит».

— Это не больно? — спросил Юлиан.

«Для меня это впервые, но он тоже боится», — тихо сказал Никс.

— Нуль? — удивился Юлиан.

«Он не знает страха, как понимаешь это ты. Он знает вероятность ошибки. Сейчас она намного выше, чем обычно. Для него это... дискомфорт».

Глава 5. Синхронизация

Предварительный прогон — тест на совместимость перед полной синхронизацией, начали с обмена пси-данными между симбионтами. Никс вкладывал в передачу всё, что делало их связь живой: надежду, боль, привязанность. Он знал: его задача — показать Нулю, что симбиоз без подавления возможен, что сотрудничество эффективнее контроля. Волна за волной он вплетал эти чувства в модель идеального симбиоза.

Нуль фиксировал причинн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.